

КОЛЛЕКЦИОНЕР УЖАСОВ

18+

13 ЖУТКИХ ИСТОРИЙ

ВЕДЬМИНА
ЗАСТАВА

Коллекционер Ужасов (Феникс)

АНТОЛОГИЯ

**Ведьмина застава.
13 жутких историй**

«Феникс»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

Антология

Ведьмина застава. 13 жутких историй / Антология — «Феникс»,
2026 — (Коллекционер Ужасов (Феникс))

ISBN 978-5-222-49066-2

Основу этой антологии, созданной совместно с одним из популярнейших хоррор-каналов «Коллекционер Ужасов», составили избранные рассказы от признанных отечественных мастеров жанра. 13 леденящих кровь историй на ночь. Идеальное чтение для любителей нырнуть в бездну острых ощущений, готовых продать душу в поисках новых способов пощекотать себе нервы. Призраки, подменыши, древние проклятия, туманницы, демоны и совсем уж неопишуемые безымянные твари предстанут перед вами на страницах книги. Впустите в свою жизнь немного ужаса и безумия, и кто знает – вдруг она заиграет новыми красками.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-222-49066-2

© Антология, 2026

© Феникс, 2026

Содержание

Слово создателя	6
Герман Шендеров, Сергей Тарасов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ведьмина застава 13 жутких историй

© Идея и составление: Михаил Коршунов, Моран Джурич, 2025

© Коллектив авторов, 2025

© Обложка, форзацы и иллюстрации: Екатерина Мекачима, 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com
AI Generator / Shutterstock / Fotodom.ru

Слово создателя

Дорогой читатель, перед тобой – первый том «Коллекционера Ужасов».

Пусть чтение принесет тебе трепет, интригу, чуть страха... и хорошее настроение, ведь здесь есть и мистика с юмором, и то, что называют «уютным ужасом»!

Мы собрали лучшие истории от победителей больших конкурсов для авторов, пишущих в жанре мистики и ужасов.

Среди авторов – как уже известные и уважаемые мастера современных мистики и хоррора, чьи имена хорошо знакомы ценителям жанра, так и талантливые новички. Их работы уже сейчас можно с уверенностью назвать звездными дебютами русскоязычного хоррора.

Этот сборник объединяет тринадцать разноплановых историй, не связанных между собой общей темой или сюжетом. Именно это делает антологию особенно интересной: каждый рассказ предлагает свой уникальный взгляд на страх, мистику и необъяснимое. Здесь найдется что-то для каждого, кто любит неожиданные сюжетные повороты, атмосферу напряжения и легкий холодок по коже.

С уважением, Коллекционер Ужасов.

Герман Шендеров, Сергей Тарасов Белые бантики

*Газета «Известия», титульная страница,
архив за январь 1986 года.*

* * *

ДАЖЕ У СЫЩИКОВ НЕ ВЫДЕРЖИВАЛИ НЕРВЫ...

Как сообщили вчера «Известиям», в городе Шахтерске был арестован особо опасный маньяк, изнасиловавший и убивший несколько десятков школьниц на территории южных областей Советского Союза. А действовал он в течение восьми лет...

О серии чудовищных преступлений рассказали журналистам газеты «Известия» начальник областного Шахтерского управления внутренних дел Л. А. Кобызев, заместитель прокурора области К. М. Гаспарян и другие источники, пожелавшие остаться анонимными.

Итак, что же происходило в городе Шахтерске? Начиная с 1978 года здесь были зафиксированы неоднократные случаи убийств школьниц. Следователи отмечали общую черту во всех убийствах: чудовищный маньяк нападал только на девочек с белыми бантиками, поэтому, как говорят жители Шахтерска, в школах ученицам официально разрешили не завязывать белые ленты на волосах. После начала следственных мероприятий маньяк, казалось бы, затих, однако похожие случаи нападений стали повторяться в соседних городах – Рудногорске, Приморске – и во всем Шахтерском районе.

В бригаду, расследовавшую дело, вошло семьдесят опытейших сыщиков. Кроме того, на маршрутах поездов Шахтерск – Лесогорск, где в лесополосах обнаруживали погибших девочек, поиском убийцы занимались пятьсот сотрудников милиции. Производились аэрофотосъемки дороги. Сделаны тысячи фотографий мужчин с маленькими девочками на улицах города, за каждой из них – титаническая работа по проверке личности. Обысканы 170 тысяч автомашин, осмотрен миллион гектаров леса. Сотни милиционеров ходили «по грибы и ягоды», сидели в засадах с приборами ночного видения, ездили в командировки по Шахтерскому району. Был также проведен анализ крови у двухсот тысяч работников общественного транспорта... На причастность к совершенным преступлениям было проверено больше трехсот тысяч человек... Следственная бригада попутно раскрыла около тысячи преступлений, среди которых: изнасилования, кражи, разбойные нападения...

Но самого убийцу отыскать не могли.

Крупнейшие специалисты, психологи различных направлений, в том числе работающие по принципу так называемого профайлинга – западной системы создания психологических портретов преступников, – консультировали бригаду и советовали искать не только среди нарушителей закона, но и среди нормальных людей.

А убийца действительно оказался нормальным. На работе – исполнительный сотрудник, дома – примерный семьянин. По образованию – инженер. Милиционеры, наблюдавшие за ним перед поимкой, рассказали: в социуме ведет себя свободно, может подойти и поздороваться за руку с незнакомым человеком, завязать непринужденную беседу. Стоит ли удивляться, что такой волк в овечьей шкуре мог увести следом за собой в лесопосадку доверчивого ребенка? А между тем в сумке у него лежали нож, веревки и другие инструменты для убийства...

Наш специальный корреспондент задает вопрос:

«Почему маньяк содержится в тюрьме КГБ? Почему не в милиции?»

Отвечает Л. А. Кобызев:

«К сожалению, в милиции трудно обеспечить его изоляцию. В Свердловске, например, преступника, совершившего убийство ребенка, не удалось довести до суда: его задушил сокамерник. А ведь у нас еще масса работы с этим типом...»

В. Бутов, собкор «Известий», город Шахтерск.

* * *

2 августа 1987 года, Лефортовская тюрьма.

Резник проснулся, вынырнул из одного кошмара и попал в другой. В очередной раз мелькнула мысль: удавиться, что ль? А на чем? И ремень, и даже шнурки отобрали. Разве что оторвать рукав да скрутить петлю. А цеплять куда? На двери изнутри нет ручки, на потолке тоже ничего: одна неровно уложенная, вспухшая и осыпающаяся от влажности побелка. Ни одного выступа, да и зацепиться нечем. Нет, ерунда. А как еще? Слышал он когда-то, что можно язык перекусить и умереть от потери крови. Резник попробовал, укусил посильнее и заскулил жалобно. Боли он всегда боялся.

Однажды его избили пьяные мужики на перроне, увидев, как он окликает идущую впереди второклассницу с белыми бантами и портфелем в руке. Резник, хитрый и чуткий, как зверь, в момент возбуждения не заметил их – других зверей, притаившихся под бетонным козырьком. Оттуда крикнули:

«Э, ты хуль за ней увязался?»

«Да я че, мужики? Я домой иду, вы че?»

«Тут маньяк в Шахтерске. Потрошитель, слышал? Не ты ли, сука?» – Из темноты вышли трое, с наколками на руках, жилистые, худые; у одного сверкнула во рту металлическая фикса.

Били его долго, благо были пьяными – устали да ушли просто, поплевав сверху. Деньги забрали, на сумку с инструментами не обратили внимания. Кто-то помочился напоследок на куртку Резника. Пришлось ее выбросить и сказать Раечке дома, что пьяницы избили да отняли. Что было почти правдой.

Вот он тогда тоже очень боялся. Больно было и страшно, и голоса больше не шептали ничего, не подсказывали – словно оглох он, осиротел, одно тело осталось, безвольное и скорчившееся под ударами.

А девочка тогда ушла домой, свезло ей, сучке мелкой.

«Дожил ты, Георгий, – прошелестел на ухо голос – тот, что вечно приказывал, и доносил, и клязничал на всех. Голос человека с железной пастью. – Дожил вкрай ужасе, падла очкастая. Ты какого хера тут забыл, на кой с ментами пошел, мудака? Уходить тебе надо отседа, уходи».

Повзрослевшая Светка шептала в другое ухо:

«В море надо, Гоша, в море... Окунешься, поплывешь, и нет забот боле никаких. Як тогда, в Ялте, помнишь? Тоби Райка яще потеряла, кричала с берегу, а ты ей: да тута я, Раечка, тута, любимка! И смеешься, аж заливаешься: далеко так уплыл, а она-то тоби не бачит. Переживает за тебя, дурня такого...»

Светочка, где ж ты теперь... Где косточки твои, где ты закопана, милая?

Резник слез со шконки, сел на скамью у низкого стола. На столе лежали тетрадь в линейку и новомодный фломастер синего цвета – он таких и не видал ни разу. Не ручка и не карандаш с острым грифелем. Чтоб не убился, значит. Поправив очки, Георгий придвинул к себе тетрадку и принялся аккуратно выводить на ней фломастером:

«Обращение к Генеральному Секретарю ЦК КПСС.

Я прошу сослать меня, как Наполеона, погубившего миллионы жизней, на остров – необитаемую вулканическую скалу Северо-Курильской гряды или к тиграм Уссурийской тайги. И может быть, со мной на остров поедет моя многострадальная подруга, жена Раечка...

Резник Г. Р.»

За дверь в «продоле» слышались шаги и мужские голоса. Сюда, что ли? Резник беспокойно огляделся.

В замке заскрежетал ключ, дверь распахнулась. На пороге стояли знакомый «цирик», морда автоматная, и еще двое мужчин: один в милицейской форме, другой неприметный, одетый в серый пиджак, комитетчик явно. Пуча глаза и поглядывая искоса на спутников, вертухай крикнул в одиночную «хату»:

– Заключение, представиться!

Резник вскочил, оправил рубаху и гаркнул в ответ:

– Резник Георгий Ростиславович, сорокового года рождения, осужден по статьям...

– Не надо статьи перечислять, – отмахнулся, поморщившись, мужик в сером пиджаке, – собирайся, с нами пойдешь. Сержант, браслеты ему надень, чтоб не дергался.

«Цирик» достал наручники, и привыкший к данной процедуре Резник повернулся к стене, растопырил ноги, скрестив за спиной руки и уткнувшись лбом в стенку. На запястьях замкнулись наручники, слегка пережав кожу.

Его повели бесконечными коридорами комитетской тюрьмы, уводя все глубже и глубже в подземелья Лефортово, по сырым ступенькам в темные полуподвальные помещения; Резник подумал отстраненно, что их путешествие похоже на блуждания в аду. Лампы горели тускло, а местами вообще не работали. От сырости стены здесь расцветали черной плесенью.

Комитетчик сказал глухо:

– Здесь.

Процессия остановилась. Милиционер вытащил из кобуры пистолет – не штатный ТТ, а почему-то довоенного образца «наган» – черный, блестящий, с тонким дулом. Резнику приказали:

– Осужденный, лицом к стене!

– Вот, значит, как, да? – засуетился Резник, заговорил быстро-быстро, проглатывая слова. – А я ж, господа-товарищи, не просто ж так это... Я ж, знаете ли, член партии уж тридцать лет как! У меня, знаете ли, обстоятельства были...

– К стене! – рявкнул милиционер, поднимая руку с пистолетом.

Вертухай с комитетчиком наблюдали за сценой спокойно, даже со скукой. Гэбист сказал:

– Про Голодомор, мамку свою и импотенцию ты уже на суде рассказывал. Сейчас наш суд будет – самый гуманный в мире, сука. К стене повернулся, живо!

Дрожа с головы до пяток, Резник отвернулся наконец. Перед глазами оказалась стена, покрытая сколами от пуль и неровными темными пятнами. Только сейчас к Георгию пришло четкое осознание, что вот и все, вот и кончилась жизнь; все осталось позади: и Ялта с Раечкой, и дети, и то адское, рвущее штаны возбуждение в погоне за маленькой жертвой в лесополосе. Осталась лишь расстрельная стена.

– Георгий Ростиславович Резник, судом Союза Советских Социалистических Республик вы приговариваетесь к высшей мере наказания – расстрелу! Приговор привести в действие немедленно!

– Нет-нет, не надо! Вы не понимаете, я вам сейчас все об...

Грохнул выстрел, от которого заложило правое ухо. Резник заморгал, почувствовал, как штанины пропитались теплой мочой. Но он по-прежнему стоял на месте, и стена с пятнами засохшей крови была перед ним. Неужели палач промахнулся? Или так и выглядит смерть – ты просто остаешься запертым сознанием в собственном теле и вынужден мучительно наблюдать, как оно разлагается?

«Нет, ты живой, падла, – прошептал голос, – чувствуешь, как сердечко-то бьется? Живое оно...»

Дрожа всем телом, Резник медленно обернулся. Палач-милиционер отошел в угол, сел на колченогую табуретку и закурил. «Наган» он засунул обратно в кобуру. Широко и даже несколько издевательски ухмыляясь, будто ему нравились такие шутки, комитетчик достал из

портфеля какую-то папку, оттуда – сложенную бумагу и протянул тому, кто уже должен быть мертв.

– Ознакомьтесь с документом, Георгий Ростиславович. Не торопитесь только. Давайте с толком, с расстановкой. Понимаю, вы сейчас переживаете сильно. Сигарету, может?

– Не курю... – буркнул Резник, принимая из рук гэбиста бумагу. Поправил очки и забегал по ней глазами, пропуская целые абзацы:

«Совершенно секретно... Институт исследований сна... Я, нижеподписавшийся Георгий Ростиславович Резник, в соответствии с указом номер... принимаю предложение... изучение сна... обязуюсь не распространяться... согласен на эксперимент...»

Он поднял глаза на гэбиста. Спросил, немного заикаясь – давал знать о себе пережитый шок:

– Эт-то что все з-значит?

– А значит это, глубоконеуважаемый Георгий Ростиславович, что нужен ты еще нашему государству. На кой хрен – тебе позже объяснят. В общем, выбор у тебя невелик. Если поставишь роспись вот тут, снизу, то можешь пожить еще немного. А коли не поставишь, то вот... Коленка тебя тут и пристрелит как собаку. И никто о тебе, сволочи, и не вспомнит. Да, Коленка?

Милиционер кивнул, глубоко затягиваясь сигаретой. Казалось, ему достать «наган» и выпустить пулю в лоб – что лишний раз покурить.

– А что д-делаеть-то надо? Вас как зовут?

– Меня зовут майор Карый Алексей Михайлович. Фамилие такое – Карый. Ну ты как, согласен? Или стреляемся? – Комитетчик уже протягивал ему шариковую ручку – роспись поставить. Резник пугливо и подобострастно заглянул ему в глаза, убедился, что это все не глупый розыгрыш.

– С-согласен. Только вы это, товарищ майор... Наручники снимите.

Сержант-вертухай шагнул вперед, разомкнул наручники. Резник потер запястья, опасно поглядывая на палача с «наганом», и взял ручку, чтобы вывести свою роспись на документе.

* * *

Под грифом «совершенно секретно», красная метка.

*Закрытое НИИ «Институт исследований сна»,
август 1987 года. Медицинский журнал наблюдений,
графа «Г. Р. Резник».*

*Заметки доктора медицинских наук, профессора
Лисицына Бориса Ефимовича.*

9 августа.

Пациент (хотя ему скорее подходит определение «подопытный») прибыл утром. Находится в состоянии ажитации: думаю, дело в столь неожиданном спасении от смертной казни. Выглядит адекватно. Читал про него в газетах, что подопытный вполне функционален и социализирован, работал инженером, член партии, примерный семьянин. В близком общении производит приятное впечатление. К тому же земляк, проскальзывает в говоре наше типичное малоросское «гхэканье». Я зубами скрипнул от отвращения, но при знакомстве руку ему пожал – нужно ведь установить контакт – и спросил, какие у него могут быть пожелания. Резник уточнил, можно ли отправить письмо жене. Пришлось объяснить, что официально он мертв уже два дня, после чего настроение у подопытного резко испортилось.

На садиста не похож, возникает даже ощущение, что Резник крайне эмпатичен, переживает за всех кругом и боится доставить кому-либо неудобство. Не думаю, что это оправдано

одним лишь страхом. Так как сомнология – наука относительно новая, а сам я по специализации занимаюсь неврозами и психотерапией, то могу сказать, что не смог бы угадать в подопытном серийного убийцу. Хотя у Резника и наблюдается явно выраженная склонность к неуместному артистизму и болезненному фантазированию, однако на социопата или манипулятора он не похож. Думаю, будет еще возможность заняться его изучением. Меня всегда интересовал западный метод профайлинга.

К эксперименту мы приступаем послезавтра в девять утра.

* * *

Институт исследований сна, 10 августа.

Резник иногда удивлялся превратностям своей судьбы. Именно судьба забросила его из маленького украинского села в большой город, сделала не колхозником, а инженером – представителем самой уважаемой профессии, дала ему, ничтожеству, извращенцу и импотенту, такую прекрасную семью. И даже теперь, на пороге смерти, он чудом спасся и вместо могилы оказался здесь.

Покамест, конечно. Но все равно удивительно ведь!

У него была маленькая уютная палата без окон. В углу висела толстобокая видеокамера, черным зрачком записывающая все его действия. Чтобы сходить по нужде, необходимо было нажать на кнопку звонка, и тут же вошедший санитар препровождал подопытного в туалет в конце общего коридора, где тот совершал все процедуры за тонкой шторкой под его неусыпным надзором. Мыться в душе тоже приходилось под наблюдением.

В коридоре имелось еще несколько безликих дверей, где, как догадывался Резник, должны были находиться другие подопытные. С ними он никогда не встречался, хоть и слышал иногда глухие звуки из-за стены.

Кормили сытно: утром творожный сочник, фрукты и сок, в обед на первое и второе – щи или жирный борщ со сметаной, витаминный салат, котлеты с гречкой или макаронами, ну и чай с булками, конечно же. Вечером не кормили. Резнику объяснили, что он должен хорошо высыпаться, чему плотный ужин не способствует.

Забавно: поначалу Георгий ожидал, что над ним будут ставить бесчеловечные эксперименты, однако выяснилось, что от него требуется всего лишь не спать несколько дней.

Утром десятого числа Резника привели в кабинет, центр которого занимало кресло, похожее на стоматологическое. У стен – громоздкие ЭВМ, по их экранам бежали зеленые строки из цифр и кривые графиков. Резника усадили в кресло. Из второй двери появился Борис Ефимович, местный руководитель. Тот сразу расположил к себе Резника, поздоровавшись с ним при первой встрече за руку: так за последние полгода не делал никто, кроме него. С ходу участливо поинтересовался:

– Георгий Ростиславович, как вам обстановка в нашем заведении? Кормят хорошо? Санитары не обижают?

Резник с благодарностью сжал мягкую ладонь психиатра, глянул заискивающе в его добрые глаза за стеклами бифокальных очков – такие же носил он сам. Чуть не прослезился. Наконец кто-то его воспринимает не как кровавое чудовище, а как человека!

– Спасибо, спасибо вам, Борис Ефимович, все просто замечательно! Кормят так, что кушать невозможно! В смысле, вкусно, но...

– Я понял, понял! – усмехнулся врач. – Давайте-ка к делу. Итак, Георгий Ростиславович...

– Прошу вас, просто Жора, Борис Ефимович!

– Кхм, сойдемся на Георгии. Итак, Георгий, вы имеете представление о том, чем мы будем здесь заниматься?

– Ну... – Резник замялся. – У вас тут институт сна, соответственно, вы, наверное, будете исследовать мои сны?

– Совершенно обратно, Георгий. От вас требуется только одно – не спать.

– Всего лишь? – Резник даже удивился такой научной причуде. – И сколько?

– Не спать совсем. Сколько сможете. Больше никаких условий у эксперимента нет. Вы должны поставить рекорд по продолжительности времени без сна – это называется «депривационный эксперимент». Хотя психиатрической экспертизой вы и признаны вменяемым, но такие люди, как вы, из-за некоторых свойств, э-э-э, психики имеют большое значение для нашей работы. Каждое утро вас будут приводить сюда, – Борис Ефимович обвел рукой кабинет, – где вам будут вводить определенные препараты – по большей части стимуляторы – и производить различные замеры. Кардиограмма, томограмма, общий анализ крови и так далее. В соседнем кабинете у нас также находится аппарат МРТ. Это дважды в день, утром и вечером. Будет занимать не больше часа, а все остальное время от вас требуется исключительно... бодрствовать. Вам понятно?

– Все ясно, чего ж тут не понять? – развел руками Резник.

Усмехнувшись уголком рта, Борис Ефимович склонился над ним и сказал:

– Не так все просто, гражданин подопытный. В какой-то момент вы си-и-ильно захотите спать. Но мы этого вам никак не позволим, уж поверьте.

Резник вздрогнул, но не от проникновенного взгляда психиатра: за дверью горестно, тяжело закричали. Слово с кого-то наживую сдирали кожу.

* * *

Междурнал. Заметки доктора медицинских и психиатрических наук, профессора Лисицына Бориса Ефимовича. Совершенно секретно, является государственной тайной и не подлежит разглашению. 11 августа, полдень.

* * *

Ровно двадцать четыре часа. Георгий Ростиславович Резник здесь и далее будет упомянут под кодовым обозначением «Бдящий». Объект чувствует себя вполне бодро; неудивительно, учитывая вколотые ему вчера психостимуляторы. Пожаловался санитару на то, что свет в его палате не выключается. Ему объяснили, что это часть эксперимента.

Мы намереваемся проводить депривацию сна не только с помощью препаратов, но и по азиатской методике (китайцы использовали множество хитрых техник, чтобы лишать человека сна на долгие недели – в качестве пытки). Резник будет постоянно находиться под ярким светом: в его камере установлена медицинская бестеневая лампа, а в коридорах мы добавили напряжения на люминесцентные. С завтрашнего дня в его палате посредством установленных динамиков начнут раздаваться в хаотичном порядке громкие нервирующие звуки, как то: дверной звонок, гудок клаксона, детский плач, женские крики и другие. Матрас снабжен изнутри искривленным каркасом, так что любая поза спустя время будет вызывать неудобство. Бдящему выдана тугая пижама с грубой тканью и натирающими швами. Температура и влажность в помещении будут постоянно меняться, чтобы пациент не успевал привыкнуть к условиям. В случае же, если все эти методы в какой-то момент окажутся неэффективными и Бдящий задремлет, его разбудит дежурный санитар.

Теперь о сути эксперимента.

Научный метод изучения состояния подопытных называется «ночная полисомнография». Обычно данный метод включает в себя длительное мониторирование нейрофизиологических и кардиореспираторных параметров в течение сна, однако у нас в запасе нет продолжительного промежутка времени, да и сам Бдящий (перспективный наш пациент) не должен спать. Так что методику полисомнографии нашему институту в данном случае пришлось изменить – Бдящего мы наблюдаем исключительно в состоянии бодрствования. То есть в состоянии, противоположном сну...

* * *

Институт исследований сна, 13 августа.

Резник сам не мог поверить, что не спит уже третий день. Такое с ним случалось всего раз в жизни – в армии, во время серии бесконечных дежурств. Тогда он был полон сил и энергии, однако на третьи сутки уже клевал носом и даже засыпал, кажется, с открытыми глазами.

Сейчас спать хотелось постоянно. Хотя бы смежить веки ненадолго – пускай на пять секунд. Но дежурный санитар, похоже, сам не смыкал глаз и, стоило Резнику даже прищуриться, тут же вбегал в помещение и принимался его тормошить.

Утром 13-го числа из его палаты выволокли койку. Матрас, поначалу казавшийся Резнику пыточным устройством, он провожал едва ли не со слезами. Глаза слипались несмотря на яркий свет в палате и раздававшиеся время от времени из ниоткуда громкие звуки: в уши бил то свист электрички, то клаксон автомобиля, а то и младенческий плач. Или пронзительный человеческий крик.

«Как тот вопль из-за двери», – шептал на ухо знакомый голос. Один из голосов.

Про голоса он, дурак, так и не сказал на психиатрическом освидетельствовании: они, голоса, сами ему так приказали. Мол, ни слова про нас. А так бы, глядишь, и сошел за психа... И лежал бы сейчас в дурдоме, а не мучился неведомо где, сидя в углу палаты под ярким светом потолочных ламп.

Один голос был похож на Богдашку – далекое, но ничуть не затертое воспоминание.

В конце сороковых, уже опосля войны, случился второй голодомор. Жорка тогда таких вещей не понимал: ему казалось вполне привычным постоянное недоедание, а то и чувство терзающего кишки голода, от которого пузо у ребятишек раздувалось, что у беременных. Тут же звери почуяли людскую слабость, воспряли, обнажили клыки, и спасу не было от обнаглевших волков и одичавших псов. Те, кого с голодухи сожрать не успели, с волками породнились и теперь донимали деревенских.

Кто посильнее был али с оружием, те в хатах попрятались и стреляли оттуда; детям велели не выходить из дома, а с воинской части неподалеку регулярно приезжали солдаты, занимавшиеся отстрелом диких стай. А чего малому Жорке делать да мамке его с двумя ребятишками? Дома – шаром покати, отец на войне сгинул, Жорка теперь – за старшего.

Как мог мамке помогал. По утрам вот к колодцу бегал. В тот день с ним Светка увязалась; ей недавно семь стукнуло, и она уже в августе заранее повязывала на волосы белые ленты в предвкушении школы. Говорили, там в столовой дают тонкий – едва не прозрачный – кусок черного хлеба, посыпанный сахаром. Светка шагала рядом, помахивая ведерком в руке, и донимала Жорку вопросами: тот шел уже во второй класс.

– Жор, а, Жор!

– Ну чаво тобі?

– А як в школе бачут, шо ты не на пятерку, а на двойку написал?

– Ну ты дуреха, шоль? Ты намалювати як, учителька дивится и кажет: тут погано писано, а тут и на пятерку сойдет. Зрозуміла?

Он говорил так да поглядывал искоса на белые банты в волосах у девочки: на фоне грязи и безысходности они выглядели будто не от мира сего. Светка, заметив его интерес, кокетливо поправила бант и улыбнулась, показав щербатый рот.

– А коль она там брехню какую написавши?

– Ну дык над ней власть советская, коммунисты... Кто ж ей не так написать даст? Оценки по справедливости ставят, – повторил Жора чужие слова, в которые сам не очень-то верил.

Общественных колодцев на хуторе было два: один в центре, но с дрянной водицей, а второй, с водой почище, чуть в стороне и на окраине. Через рощицу на соседнее поле пройти – и, считай, на месте.

Светка и Жорка углубились в рощу, опасливо оглядываясь: не видать ли где серых теней меж кустов. Вдруг раздался неподалеку не то посвист, не то хрип. Откуда ни возьмись, из кустарника возник незнакомец. Мужик был худой как смерть, с лихорадочно горящими глазами на заострившемся от голода лице. Он в два едва заметных шага сократил расстояние до ребяташек, совершенно по-песью вытянул голову и ухмыльнулся железной пастью: все зубы у него были заменены металлическими коронками, и лишь один настоящий торчал посередке – косою и желтый.

– Здоровеньки булы, ребята! А я тута прикорнул малясь, вы как, не против?

– Здорово, дядько... Да вы сплячи, нам бы воды набирати трошки, – настороженно ответил Жорка, отступая на шаг и прикрывая собой Светку. Та будто вовсе и не испугалась – во все глазенки разглядывала мужика.

Чужак зевнул, потянулся всем телом, щурясь под светом летнего солнца. Сел, прислонившись к стволу дерева, вытянул худые ноги в солдатских кирзовых сапогах со здоровенными дырками в подошвах. «Пахне як от псины дохлой», – поморщившись, подумал Жорка.

– Мамкин помощник, значит? – угадал чужак и протянул мальчику широкую мозолистую руку. – Мине Богдашка звать, погоняло Зуб. Эт не тому, що зубов нема, а бо Зубов я, понял?

– Зрозумил... – Маленькая рука мальчонки утонула в лапище незнакомца. Тот пожал ее аккуратно, вновь оскалился на Светку.

– Дядько, а вы кто? – пискнула та.

– А я лесник местновий, не признали, шоль?

– Дык лесник же Олесь Палыч... Он же и староста, вон в той хате живет.

– Ну был Олесь Палыч, а таперича я! Шо, не верите, детвора? Ну-ка, гляди!

Богдан по кличке Зуб распахнул ватник, под которым, окромя затертого галифе, ничего не оказалось. На ввалившейся от худобы груди красовалась обширная татуировка; на ней виднелись ощерившие пасть волки, и елки, машущие верхушками под темным небом, и сова под звездами, набитыми синими чернилами на ключицах. Чуть выше, на плечах, были даже погоны с лампасами.

«И впрямь – лесник!» – пораженно подумал Жорка.

Увидев зачарованные лица детей, Богдашка подмигнул:

– У мене по всему телу такая красота. Хотите, еще чаво покажу?

– Та не, дядько, нам домой треба... – неуверенно сказал Жорка, оглядываясь: до дому бежать далече.

– Да ты не парься, пацан, я ж взрослый! – отмахнулся Богдашка. – Чаво туды пялишься, забоялся меня, шоль? Айда до колодца! Я вам и до дому помогу ведра донести, все не на себе таскать. Тильки вам бы тоже мне подмочь кой в чем... Гляди, у мене тама, в лесу, – он воровато оглянулся и указал пальцем за спину, где роща кончалась и начиналась глухая чаща, – у мене тама тайник есть... А в тайнике, знамо, конфеты мериканские лежат...

– Мериканские? – открыв рты от изумления, хором спросили ребяташки.

– Мериканские! С войны остались, трофейные, зрозумили? – Богдашка говорил быстро, горячо, не сводя воспаленных глаз со Светки. – Токмо тама бревнецо поднять надо – одному

не справиться. Ты паря дюжий – пойдем со мною, допомогай мне буде. Ты мне бревнецо поддержишь, а я вам конфеты отдам. Як вам такое?

– Не, ну коли мериканские... – Жорка покосился на Светку, а та молчала, широко открытыми, доверчивыми глазенками уставившись на Богдашку. – Коль мериканские, то и возможно, мабуть. А много тама конфет?

– А то! Куль цельный! Немчура оставила! – еще шире заулыбался новый знакомый. – Ну шо, пошагали тогда? Ать-два, правой ножкой, левой ножкой, ребятишки! За мериканскими конфетами – направление прямо! Как казал поэт Чуковский, «добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и червячок...»

И они направились вглубь чащи леса. Богдан взял Светку за ручку, та бежала вприпрыжку, что-то мурлыкая; Жорка шагал следом.

Жорке казалось, что все как-то не так, неправильно, но он вспоминал волков, нарисованных на груди мужика, и думал: «Ну это ж лесник, чего он плохого сделает?»

Уже почти зайдя в бурелом, Жорка с внезапной необъяснимой тоской оглянулся на знакомую тропинку. Заметив это, Богдан ухмыльнулся ему железной пастью:

– Ну ты чаво, малой? За конфетами-то идешь?

– Иду...

– Идем, дядько! – воскликнула Светка, преданно глядя на Богдана. – За конфетами мериканскими!

И они втроем исчезли в лесополосе.

* * *

Институт исследований сна.

Меджурнал наблюдений. Заметки доктора медицинских и психиатрических наук, профессора Лисицына

Бориса Ефимовича.

16 августа. Вечер.

Рекорд по продолжительности бессонницы принадлежит американцу Рэнди Гарднеру и составляет одиннадцать дней. Эксперимент был проведен в 1964 году. Гарднеру на тот момент было семнадцать лет, он находился в отличной физической форме. Во время проведения эксперимента молодой американец много играл в баскетбол; подопытного Бдящего мы тоже начали нагружать физической активностью, хотя его форма оставляет желать лучшего.

Также Бдящему приходится проходить различные тесты на умственную и эмоциональную активность. Как я и думал, подопытный не является психопатом или социопатом – у него, напротив, наблюдается повышенная способность к эмпатии. Тем страннее, что он был способен совершать столь бесчеловечные преступления. По моей догадке, у него имеется мощный психоэмоциональный триггер из детского возраста, толкающий на подобные зверства.

Психофизиологические тесты института делятся на несколько категорий, которые подробно описаны во второй вкладке меджурнала.

Сложные математические тесты Бдящий проходит без труда: сказывается профессия инженера. Одним из простейших тестов является вычитание семи от ста. Каждый день подопытный вычитает цифру 7 от числа 100, и лаборант фиксирует скорость, с которой тот производит вычисления. Тот же эксперимент проводили с человеком, прекрасно высypающимся каждую ночь, и было установлено, что такой человек уже на третий день просто запоминает получившиеся числа и называет их легко, без запинки. У Бдящего же, как подмечено, на четвертые сутки депривационного эксперимента начали проявляться проблемы с памятью: нередко он не может запомнить порядок чисел, вследствие чего начинает производить вычисления в уме заново. У высypающихся людей, даже не обладающих способностями к матема-

тике, подобных проблем не наблюдается – к третьему дню получившиеся числа они уже знают наизуток.

В личных беседах Бдящий обычно вял и безынициативен. Наблюдается некоторая плаксивость. Активность проявляет с шести часов утра и до обеда, после чего испытывает сильные позывы ко сну. По классификации хронотипа – так называемый «голубь». Конечно, куда проще проводить подобные эксперименты с ярко выраженными «жаворонками» и «совами».

Также подопытный испытывает острое чувство деперсонализации, словно он и его тело – это два разных субъекта. Как-то раз обмолвился о неких «голосах», которые слышит время от времени, но на повторные вопросы отвечать не стал.

На пятый день Бдящий начал отказываться от пищи, игнорировать внешние раздражители, состояние его можно охарактеризовать как сомнамбулическое. По-видимому, организм пытается экономить энергию. Ежедневно, с двенадцати и до трех часов, Бдящий выполняет в спортзале упражнения, не выказывает проблем с координацией движений – напротив, его физические данные, на удивление, немного улучшились. (Интересный феномен, отразить в отчете.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.